

Люди и нравы за полвѣка.

„Описывай, не мудрствуя лукаво, чему Господь тебя свидѣтелемъ поставилъ“.

„Пименъ“ — Пушкина.

Нѣсколько словъ отъ автора.

Вѣсь у меня товарищъ. Вдова его, исполняя завѣщаніе мужа, прислала мнѣ объемистую тетрадь и записку покойнаго такого содержанія: „Друже! Путь пройденъ, чувствую, что конецъ приближается; на память обо мнѣ посылаю тебѣ мои замѣтки „Люди и нравы“; воспользуйся ими по своему усмотрѣнію. Твой С. Г.“.

Мнѣ показалось, что безпорядочныя записки его, захватывающія почти полвѣка, представляютъ нѣкоторый интересъ. На сколько могъ, я ихъ систематизировалъ и теперь предлагаю вниманію читателей.

Н. М.

I.

Я очень маленькій человекъ. Моя личность не можетъ имѣть общественнаго интереса. Это правда, которую я очень хорошо знаю.

Но, господа, время, которое я переживалъ, люди, которыхъ мнѣ приходилось наблюдать и съ которыми нужно было сталкиваться; кипучая жизнь шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ; литература

того времени; общественные запросы и стремленія — все это, по моему, не лишено интереса.

Вотъ почему я рѣшился окунуться въ ту бездну грѣховную, въ которой я валялся почти пятьдесятъ лѣтъ; въ тѣ низины, гдѣ, какъ кроту, приходилось рыться и наблюдать корни и устои родины.

Конечно, обойтись безъ автобіографіи нельзя. Но, не бойтесь: въ этомъ случаѣ обѣщаюсь быть насколько возможно краткимъ и злоупотреблять вашею снисходительностью, нагонять на васъ скуку не намѣренъ.

И такъ, Господи! благослови!

Моя родина Москва, самый центръ ея—Кузнецкій мостъ. Владѣніе Торлецкаго, состоящее изъ пяти-шести дворовъ, съ населеніемъ очень порядочнаго уѣзднаго города, кромѣ тѣхъ корпусовъ, которые тянутся по Кузнецкому, Рождественкѣ и Софійкѣ, имѣло много флигелей въ нутрѣ своемъ. Кузнецкій корпусъ, конечно, былъ набитъ, какъ и теперь, магазинами и квартирами, Рождественскій однѣми квартирами, а корпусъ на Софійкѣ завялъ Нѣмецкій клубъ. Во внутреннихъ же флигеляхъ ютилась болѣе рабочая бѣднота: портные мужскіе и женскіе; типографщики (Готье), сапожники, серебряники, скорняки и т. д.

Бывало, въ праздничный день, лѣтомъ, высыпуть мастеровщина на дворъ, такъ не ходи никуда гулять: и здѣсь было весело.

Вотъ посреди двора часовъ съ четырехъ дня идетъ игра въ бабки въ конь-за-конь. На кону стоятъ гнѣздъ двѣсти и болѣе. Играютъ и мальчишки и бородачи. Ничего, не стѣснялись своими бородами, играли...

И какіе между ними бывали ловкачи, такъ просто на рѣдкость. Иной съ такою силою и ловкостью засвѣтитъ въ конь, что сразу 15—20 гнѣздъ вышибетъ.

А на другомъ дворѣ, смотришь, идетъ орлянка. Играютъ, а сами посматриваютъ: нейдетъ ли бутарь...

Зазѣвались, такъ не пеняй: всѣ монетки и семитки уйдутъ къ нему въ карманъ.

Просто, даже очень просто все было.

И преступленіе, и наказаніе—все на-лицо.

Къ вечеру появлялись и выпившіе; раздавались пѣсни, звуки гармоники, временами слышалась ругань, но, странная вещь, мы не боялись жить среди этой запорожской сѣчи. Воры къ намъ не заходили. Да и мудрено зайти: зайти — зайдешь, а ужъ выйти, извините, едва-ли.

Припоминается мнѣ такой случай.

Въ большомъ двухъ-этажномъ флигелѣ, направо отъ нашей квартиры, была мастерская серебряниковъ. И вотъ въ одинъ темный, глубокой осени, вечеръ раздалось на дворѣ „карауль!“

Подходить къ отцу жившій у насъ мальчикъ лѣтъ 16, Николай, и говорить:

— Григорій Ильичъ! позвольте выйти на дворъ.

— Это еще зачѣмъ?

— Да... жулика бьютъ-съ...

— Жулика?.. Ну, ступай...

Оказывается, дѣйствительно, забрался какой-то оборванецъ въ прихожую мастерской серебряниковъ и стянулъ тамъ рваный полушубокъ; да на грѣхъ наткнулся на рабочаго; тотъ первый закричалъ: „братцы, жулика поймалъ!“

Выволокли его, бѣднягу, на дворъ и начали бить...

Вернулся Николай.

— Ну, что? спрашиваетъ отецъ.

— Бьютъ-съ. И я разъ далъ и убѣгъ.

Пришла полиція, подобрала мертвое тѣло, а кто убилъ—осталось неизвѣстнымъ, и все дѣло взвалили на волю Божию.

Не мудрено послѣ этого, что мы не боялись спать съ открытыми форточками.

Кому же придетъ охота залѣзть, украсть и на тотъ свѣтъ отправиться по билету прямого сообщенія.

Но сами мастеровые были удивительно честные люди, конечно, въ большинствѣ своемъ. Бывали, разумѣется, исключенія, но это были дѣйствительно исключенія.

А вотъ на счетъ выпивки, ужъ извините, были слабоваты. Напьются и сейчасъ драться.

Я помню ужасный бой. Бой, въ которомъ участвовало, вѣроятно, до тысячи человѣкъ.

Изъ-за чего началась битва, я не помню. Помню только, что дѣло было на Святой недѣлѣ. Смотрѣть было страшно.

Явилась сотня верховыхъ казаковъ (полиція ничего не могла подѣлать) и начали всѣхъ лупить нагайками. Но люди до такой степени озвѣрѣли, что на боль не обращали вниманія и драка продолжалась.

— Битыхъ было много, но убитыхъ ни одного. Ужъ и придумать не могу, какъ ихъ хранилъ Господь.

А на другой день все смирно и тихо.

Собрали квартальному малую толику, ночевалъ кто-то въ кузкѣ, на томъ дѣло и кончилось.

II.

Ученъе.

Когда мнѣ исполнилось семь лѣтъ, меня отецъ отдалъ въ приходское училище.

Учителемъ былъ Д. И. Ивановъ. Это очень видный мужчина, чистякъ, весь бритый, всегда прекрасно одѣтый, жившій на широкую ногу, хотя жалованья получалъ всего 200 р. въ годъ.

Откуда же онъ бралъ средства для такой жизни?

А вотъ откуда.

Когда меня привели въ школу, то онъ спрашиваетъ отца: Какъ вы желаете, чтобы онъ учился—только до обѣда, или и послѣ обѣда?

Отецъ спрашиваетъ, что будетъ стоять и та, и другая учеба?

Дмитрій Ивановичъ говоритъ: „если только до обѣда, то казенные 2 руб. въ годъ; а если и послѣ обѣда, то полтора рубля въ мѣсяцъ“.

Отецъ, исходя изъ того, что я больше сапогъ истреплю, чѣмъ на полтора рубля въ мѣсяцъ, конечно, сейчасъ же согласился на эту плату.

А такихъ ребятъ было человекъ до 120. Я полтора, другой полтора, а кто побогаче и три, и пять руб. платили; съ міра по ниткѣ, а матрешкѣ сарафанъ; въ общемъ-то и собиралась сумма значительная, до 200 руб. въ мѣсяцъ.

А это, особенно при готовой квартирѣ и дровахъ, были громадные деньги въ то время, когда пудъ прекраснаго печенаго хлѣба стоилъ 35—37 копеекъ.

Это было задолго до освободительнаго движенія. А вотъ какъ двинулись со свободой-то, такъ и пожалуйста рублика полтора за пудикъ.

А скоро и вовсе жевати будетъ нечего.

И такъ началось мое ученъе. Уходилъ я изъ дому въ 8 часовъ утра; возвращался въ 12, обѣдалъ, а къ двумъ часамъ шелъ опять въ школу и до четырехъ.

Училище было въ верхнемъ этажѣ казеннаго дома, а въ среднемъ—квартира директора. Но близость начальства ничуть не смущала нашего энергичнаго учителя.

Вездѣ было отмѣнено тѣлесное наказаніе, но въ нашей школѣ (да, вѣроятно, и въ другихъ) оно процвѣтало, яко кринъ сельный. Чтобы прошелъ день безъ казни—я такого счастливаго дня не помню.

Правда, это не была та звѣрская порка, которая увѣчила ребятъ; двѣ—три—пять розогъ и только; но ты не былъ застрахованъ отъ того, что можетъ случиться съ тобой и завтра, и послѣ завтра, а то такъ и два раза въ день.

Но за то учились въ громадномъ большинствѣ очень хорошо. Особенно по арифметикѣ. Вниманіе въ классѣ было полное. Да и нельзя было ротозѣйничать. Представьте себѣ такой порядокъ: идетъ русское чтеніе. Одинъ читаетъ вслухъ—всѣ обязаны слѣдить. Сохрани Богъ, если Д. И. замѣтитъ, что ты зѣваешь.

— Дальше, Петровъ!—раздается его голосъ.

А Петровъ и не знаетъ, съ чего надо продолжать. Ну, и пожалуйте къ Тимоѣичу (сторожу) въ переднюю. Само собой разумѣется, что слѣдить въ классѣ приходилось поневолѣ.

А Тимоѣичъ за это деньги наживалъ: время отъ времени нѣтъ-нѣтъ, да и напомнить на табачишко принести двѣ коп., а то, скажетъ, смотри!

Ну, и носили.

Тимоѣичъ этотъ, царство ему небесное, былъ такой взяточникъ, что нынѣшніе интенданты передъ нимъ просто слѣпые щенята.

Мудрый былъ старикъ и отлично помнилъ великаго Наполеона, которому собственноручно (какъ онъ выражался) отдавалъ Москву, и при этомъ даже сообщалъ, какъ Кутузовъ, будто бы, имъ самъ говорилъ: „Заманивай, ребята, его, заманивай! А разочтемся послѣ!“

Ну, и разочлись.

Помню я такой случай со мною.

Я очень аккуратно посѣщалъ всѣ церковныя службы, конечно, праздничныя. Прислуживалъ въ алтарѣ, т. е. раздувалъ и подавалъ кадило, выносилъ свѣчу, читалъ на клиросѣ и даже подпѣвалъ. Подъ какой-то большой праздникъ окончилась всенощная и безъ того довольно поздно, а тутъ еще товарищъ взманилъ меня: пойдемъ, дескать, въ Кремль, тамъ архіерей служить.

Вотъ и пошли мы. Народищу было пропасть; при всей нашей пронырливости не было возможности пробраться въ соборъ. Ну, мы неособенно были этимъ огорчены: отлично провели время и около соборовъ, обѣгали весь Кремль. Домой вернулись очень поздно, часовъ въ 11. Позаботиться объ урокахъ время уже прошло да и спать хотѣлось, а на утро пошли по уговору опять въ Кремль, да пораньше, чтобы мѣсто занять въ соборѣ, да такъ и прошлялись часовъ до трехъ. Пришелъ домой усталый; уроки по русскому языку и арифметикѣ кое-какъ приготовилъ, а по закону Божию отложилъ, авось, не спросятъ.

Однако, нѣтъ, отвертѣться не удалось. Спросилъ меня отецъ

діаконъ и оставилъ безъ обѣда, а это значило: если увидитъ учитель, то порка, а если не увидитъ, то просидишь съ Тимоѳеичемъ часъ на кухнѣ и онъ тебя отпуститъ, если пообѣщаешь ему принести узаконенную обычаемъ мзду.

Сидимъ мы съ нимъ рядышкомъ на лавкѣ и ведемъ такой разговоръ:

— Ты что же это въ два-то дня урока не приготовилъ? Все лодырничаетъ!

— Нѣтъ, Тимоѳеичъ, третьяго дня у всенощной былъ въ Кремлѣ, а вчера у обѣдни. Поздно домой приходилъ.

— А знаешь, вѣдь, что вашего брата по головкѣ за это не гладятъ. Вотъ теперь и будешь у меня вьюномъ виться подъ розгой-то... А ты помнишь, что въ субботу отецъ-то діаконъ рассказывалъ: и Христосъ батюшка лѣни-то не жаловалъ: Марео, говорить, Марео! отъ работы-то ты не отлынивай! чего ты запрягла одну сестру въ хозяйство, а сама сидишь склавши ручки. Такъ-то-съ.

— Отпусти, Тимоѳеичъ! Я тебѣ на табакъ принесу.

— Ну, что жъ, ступай! Только смотри, двѣ копейка на табакъ за тобою...

— Ну, что жъ, принесу!

Хорошее было время: на всемъ обвинженеривали.

Но чтеніе въ классѣ это еще что; а вотъ ариѳметика, такъ дѣло было лихое.

Задастъ Дмитрій Ивановичъ задачу и называетъ фамилію ученика.

Ученикъ долженъ повторить ее вслухъ.

Каждый изъ учениковъ повторяетъ про себя, такъ какъ легко можетъ быть, что онъ и до половины ея не дойдетъ, какъ послышится голосъ Дмитрія Ивановича:

— Дальше, Астаповъ!

И горе тебѣ, если началъ ты отвѣчать не съ того слова, на которомъ остановился первый: сейчасъ же пожалуйста къ Тимоѳеичу.

И выходило, что всѣ ученики даннаго отдѣленія рѣшаютъ про себя эту задачу. Понятно, что при такихъ условіяхъ познанія учениковъ были довольно высокія. Удивлялись всѣ: и начальство, и родители, и другіе учителя, когда слышали устное рѣшеніе задачи, силовъ и рядомъ весьма замысловатой.

Потомъ-то, будучи самъ уже учителемъ, я позналъ, въ чемъ дѣло, и по методу Д. И. требовалъ того же при рѣшеніи задачъ извѣстнаго типа.

Но это не была бессмысленная зубрежка, ребята до такой степени настраивались въ этихъ рѣшеніяхъ, такъ прекрасно умѣли всякую задачу опредѣлить, къ какому типу она относится и какъ ее надо рѣшать, что, бывало, съ удовольствіемъ слушаешь и любишься, какъ логично разсуждаетъ мальчуганъ, хорошимъ языкомъ излагая свои разсужденія.

Стали надъ этимъ посмѣиваться, стали называть это зубрежкой, бессмыслицей, попугаевщиной...

Но, воля ваша, господа, а я съ этимъ согласиться не могу. Прежде всего школа должна учить.

Гдѣ ребенку взять запасъ словъ, правильное построеніе рѣчи, если его не заставитъ заучить извѣстныя выраженія?

Вы посмотрите въ настоящее время, многіе ли изъ молодежи могутъ правильно излагать свои мысли, письменно ли, устно ли?

Въ той школѣ и у такихъ же учителей, въ которой я началъ свою учебу, учились и Тургеневъ, и Толстой, и Достоевскій, и многіе, многіе другіе. Ихъ тоже заставляли учить наизусть образцовыя отрывки прозы и стиховъ.

Зачѣмъ же?

Да, вѣроятно, затѣмъ, чтобы выработывался языкъ, чтобы облегчить имъ, по крайней мѣрѣ на первое время, изложеніе и мысли.

Наши извѣстные ораторы-юристы: Плевако, Урусовъ, Спасовичъ—питомцы той же школы; а попробуй-ка, пойди послушать нынѣшнихъ ораторовъ, такъ ужаснешься. Всю душу изъ тебя вымотають. Вотъ ужъ по истинѣ ни складу, ни ладу.

А между тѣмъ, послушайте, какъ говорятъ актеры, особенно такъ называемые премьеры и резонеры! Ни для кого не тайна, что между актерской братіей очень мало людей съ патентомъ на образованіе, а посмотрите, какъ они говорятъ: и складно, и умно. Умомъ ихъ Богъ не обидѣлъ, а языкъ развился благодаря зубрежкѣ ролей. Вотъ они и пользуются, и пользуются съ толкомъ.

Знаменитый въ свое время артистъ Московскаго малаго театра И. В. Самаринъ, какъ извѣстно, окончилъ курсъ только театральнаго училища. Да какого училища? Театральнаго тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда главный предметъ былъ танцы; когда все вниманіе было обращено на ноги, а не на голову.

А между тѣмъ, знаніе сцены, природный талантъ, богатый запасъ выученныхъ ролей дали ему возможность написать піесу („Самозванецъ Луба“), которой далъ мѣсто въ своемъ „Русскомъ Вѣстникѣ“ даже М. Н. Катковъ.

Правда, пiеса незамысловатая, и на сценѣ она продержалась недолго, а все-таки...

Если мы припомнимъ романы: Писемскаго „Взбаломученное море“ (кажется), Боборыкина „Въ путь дорогу“ (или „Люди сороковыхъ годовъ“, хорошо не помню), то мы встрѣтимъ и тамъ описанiе ученическихъ спектаклей въ гимназiяхъ.

Свидѣтельствуя два писателя не безъ имени. Можно вѣрить, что и начальства учебныхъ заведенiй поощряли къ этому учениковъ, и поощряли не безъ цѣли: уча роли, ребята вырабатывали языкъ. Станетъ понятнымъ тогда, почему судебная реформа на Руси не захватила насъ врасплохъ и выдвинула на сцену высокоталантливыхъ судебныхъ ораторовъ шестидесятыхъ—семидесятыхъ годовъ.

А затѣмъ... богатѣйшiй, блестящiй музыкальный русскiй языкъ покрылся классическимъ налетомъ, и достойныхъ преемниковъ у Толстого, Тургенева, Достоевскаго не оказалось.

На поверхность стали выплывать разные „Чеколды“.

Нѣтъ, я бы и теперь поощрялъ въ гимназiяхъ ученическiе спектакли, но, разумѣется, при такомъ выборѣ пiесъ, который бы помогалъ школѣ въ достиженiи ея цѣлей и задачъ; а у насъ, увы! если и ставятъ спектакли, то непременно свирѣпствуютъ или Горькiй, или Чириковъ, или Андреевъ.

Что называется смраднiй цвѣтокъ современной литературы.

Но великiй Максимъ уже исписался, давно повторяется, давно выдохся и умеръ; недолго ждать очереди и другихъ.

Однимъ словомъ—Пинкертоны!

Недавно мнѣ попалась новая хрестоматiя. Она вся почти, или главнымъ образомъ, напичкана отрывками изъ современныхъ боевыхъ писателей.

Полезная хрестоматiя, нечего сказать!

Главное—цѣлесообразная!

Учись, милый, учись, и выйдеть изъ тебя или Чеколда, или какой-нибудь другой герой Горьковскаго „Дна“.

Я этимъ вовсе не хочу опорочить этой пiесы; она имѣетъ свои безспорныя достоинства; но едва-ли эти достоинства пригодны для воспитательныхъ цѣлей...

Но вотъ пролетѣли три года, и я кончилъ курсъ приходскаго училища. Принесъ домой похвальный листъ, для котораго отецъ заказалъ рамку, и повѣсилъ на стѣнѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ. Что подѣлаешь—законная родительская гордость!..

III.

Живехонько проскочило лѣто этого года (61-го). Великая реформа, совершившаяся въ это время, меня, конечно, тогда не могла занимать. Говорили кругомъ „свобода, свобода“, а что такое это за штука, изъ какой неволи преобразилась она—я не понималъ и равнодушно проходилъ мимо этихъ восклицаній...

Наступилъ августъ, и повелъ меня отецъ въ уѣздное училище, которое помѣщалось въ томъ же домѣ, гдѣ было и приходское училище, и третья гимназія, только ходъ былъ съ Малой Лубянки.

Подвергли меня тамъ испытанію, которое, надо полагать, я выдержалъ, ибо былъ принятъ.

Росту я былъ маленькаго, изъ себя плюгавый, и представьте мое удивленіе, когда я среди своихъ новыхъ товарищей увидѣлъ весьма солидныхъ молодыхъ людей. Правда, они были въ третьемъ классѣ и черезъ годъ имъ предстояло окончить курсъ. Но изъ себя такіе-то были „дяди“, что и поглядѣть на нихъ страшно.

И вотъ, помню, двое изъ нихъ подхватили меня подъ руки, ввели въ свой классъ, и вдругъ передъ моимъ носомъ появляется громадный кулакъ, а въ ушахъ раздается басовитый гласъ:

— Ну, малецъ, отвѣчай: чѣмъ это пахнетъ?

Удивленно я смотрю на него во всѣ глаза и, заикаясь, говорю:

— Не... не... знаю.

— Повторяй: таганскимъ ситничкомъ съ икрою!

— Таганскимъ ситничкомъ съ икрою... пищу я.

— Ну, вотъ и помни, что ожидаетъ ябеду! запомнишь?

— Запомню...

— Ступай!

Я скорѣй бѣжать отъ этого урода...

Это было своеобразное посвященіе въ школьные рыцари.

И дѣйствительно, обо многомъ приходилось молчать: и о трубочкахъ, и о водочкѣ, и даже объ исторіяхъ свойства романическаго...

Не удивляйтесь: это все были молодцы лѣтъ 19—20, дѣти почтамтскихъ чиновниковъ, черезъ годъ и сами чиновники, и кромѣ того *jeune premier*'ы бульвара, извѣстнаго подъ названіемъ „Чистые пруды“.

Теперь о преподавателяхъ.

Во главѣ училища стоялъ штатный смотритель, мужчина лѣтъ пятидесяти, молодящійся холостякъ. Одѣтъ всегда франтовато: новенькій форменный фракъ, открытый жилетъ, всегда чистая крах-

мальная сорочка, начищенные сапоги, золотая цѣпочка — все это производило извѣстное впечатлѣніе. Но наши Халявы, угощавшіе меня таганскимъ ситничкомъ съ икрой, почему-то прозвали его „Мышинымъ жеребчикомъ“, а за ними и мы, малыши, такъ же непочтительно величали свое начальство. А почему? Богъ вѣсть! Я и до сихъ поръ этого прозвища не понимаю.

Но держалъ онъ себя величественно, и мы его побаивались. Такъ какъ эта фигура появлялась у насъ не болѣе одного раза въ день, чтобы навести порядокъ, то за этотъ періодъ времени я о немъ ничего не могу сказать: впечатлѣнія отъ него не осталось никакого.

Законоучителемъ у насъ былъ заслуженный настоятель церкви запаснаго дворца, протоіерей Платонъ Аѳинскій.

Это — маленькая, кругленькая, живая, плѣшивенькая, вѣчно двигающаяся фигурка. За три года я, по крайней мѣрѣ, не помню, чтобы онъ когда присѣлъ на мѣсто; разгуливаетъ себѣ по всему классу.

И у него была такая же манера спрашивать, какъ и у Дмитрія Ивановича: одинъ отвѣчаетъ, а всѣ остальные слѣди.

Помню со мной былъ такой случай въ I классѣ: рассказываетъ ченикъ заданную исторію. Я зазѣвался и сейчасъ же былъ пойманъ.

— Дальше, Г...!

А я не знаю, на чемъ остановился товарищъ.

— На колѣни!

Иду къ окну и становлюсь.

Ужъ на мѣстѣ не слѣдилъ, у окна будешь ли слѣдить: тутъ и прохожихъ видишь, и рѣдкихъ проѣзжихъ, и грызущихся собакъ.

И вдругъ опять слышу: дальше, Г.

Опять не знаю, съ чего начать.

И вотъ шарикомъ подкатывается ко мнѣ батя, схватилъ за вихры, трясетъ да приговариваетъ: „Сей есть сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ!“

— Дальше, Смирновъ.

Я не успѣлъ оправиться, а онъ ужъ въ другомъ углу.

Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и я этотъ эпизодикъ изъ жизни маленькаго человѣчка помню до сего времени.

Даже и текстъ запомнилъ!

Хорошее было время. Педагогическіе приемы самые упрощенные, несмотря на Дистервеговъ, Жакото, Песталоцци и пр. и пр.

А учились и знали. А главное дѣло — злобы на учителей не

было. Откуда она взялась теперь, — Богъ ее знаетъ! Понять этого не могу: не въ характерѣ русскаго человѣка это злопамятство.

Въ духовно-учебной литературѣ въ то время была въ очень большомъ ходу Священная исторія ветхаго и новаго завѣта, прот. П. Аѣинскаго. Этотъ учебникъ отличался необыкновенно живымъ, простымъ, всѣмъ понятнымъ языкомъ. Послѣ, уже будучи учителемъ, много мнѣ приходилось просматривать учебниковъ, но уже такого общепонятнаго языка я болѣе не встрѣчалъ.

И правда, исторія Аѣинскаго предназначалась для начальныхъ и уѣздныхъ училищъ. Въ ней не было нѣкоторыхъ библейскихъ разсказовъ, которые были занесены въ слѣдующія изданія; но мнѣ думается, что ученики и среднихъ учебныхъ заведеній чувствовали бы значительныя облегченія при изученіи исторіи, если бы другіе составители учебниковъ послѣдовали бы доброму примѣру моего законоучителя.

Безусловно талантливый былъ человѣкъ, царство ему небесное! Особенно, если принять во вниманіе, что учебникъ составлялся, вѣроятно въ сороковыхъ, или пятидесятихъ годахъ девятнадцатаго столѣтія; составлялся семинаристомъ, опутаннымъ семинарскою схоластикой, то живой языкъ учебника Аѣинскаго получить особенную цѣнность.

Прочіе учителя въ общемъ не изгладились въ моей памяти; но, увы, мнѣ нечѣмъ вспомнить ихъ, ни дурнымъ, ни хорошимъ. Такъ какъ-то прошли они у меня безслѣдно...

Или я самъ-то былъ еще молоденецъ, и едва-ли могъ давать или ту, или другую оцѣнку.

Незамѣтно промелькнули два года, и я уже перешелъ въ третій классъ. Учился я посредственно, и даже очень, хотя зимовать нигдѣ не зимовалъ (остаться на второй годъ въ классѣ).

Я уже мечталъ кончить училище; съ матерью, потихоньку отъ отца, мечталъ попасть въ гимназію... Но, видно, не суждено мнѣ это было.

Прихожу я какъ-то изъ училища домой, и обрадовалъ меня родитель хорошенькой вѣсточкой: отыскалъ мнѣ мѣсто мальчика въ отличномъ модномъ магазинѣ.

Само собою разумѣется, что съ отцомъ вести по этому поводу какіе-либо переговоры не приходилось. Цыцъ! и кончено.

IV.

Дѣйствительно, не далъ онъ мнѣ окончить курса въ уѣздномъ училищѣ и запряталъ меня мальчикомъ въ очень шикарный магазинъ.

На счастье мое, или несчастье, не много мнѣ пришлось заниматься коммерціей: чистить сапоги, ставить самовары, подметать полъ, ходить за обѣдами, своевременно получать трепки и подзатыльники...

Года черезъ два хозяйнѣ мой окончательно прогорѣлъ. Куда дѣлись и пара сѣрыхъ въ яблокахъ жеребцовъ, на которыхъ онъ каждый день ѣздилъ въ магазинъ; коляска, въ которой онъ возлежалъ à la графъ Строгановъ, и собольи шубы и шапки, и красавица молодая жена его, да и, наконецъ, самъ-то онъ—Богъ вѣсть! Говорили тогда, что сидитъ онъ въ какой-то ямѣ, у Иверской...

А вотъ жена его на меня производила удивительно гнетущее впечатлѣніе: красавица писаная, институтка по воспитанію, дочь какого-то генерала—и вдругъ... очутилась купчихой первой гильдіи.

Что она, бѣдная, голая генеральская дочь, только вытерпѣла и отъ мужа, и отъ вѣдьмы-свекрови, и отъ всѣхъ деверей и невѣстокъ!..

Какъ часто видѣлъ я ея заплаканные глаза, грустное лицо... Какъ замѣтно таяла она на моихъ глазахъ!..

Изстрадалось мое дѣтское сердце, глядя на нее.

А разъ даже слышалъ ея крики, несшіеся изъ спальни... Видѣлъ его выходящимъ оттуда.

Что же это такое?

Неужели этотъ сорокалѣтній интеллигентный, хотя и малограмотный красавецъ, находчивый, остроумный, одѣтый лучшимъ поргнымъ по парижской картинкѣ, съ прекрасными манерами благовоспитаннаго аристократа?

Неужели онъ замаскированный ахаль-текинecъ?

Неужели правда—поскобли немного русскаго и получится—татаринъ?

Повидимому, такъ!

А вѣдь при постороннихъ людяхъ какъ обращался онъ съ женой — просто прелесть! „Катринь! Катись!“ Mon-ange! Adieu! Votre santé!

Ручку цѣлуетъ съ ловкостью перваго любовника Императорскихъ театровъ.

Удивительно! Испанскій грандъ, да и только!..

Однако прогорѣлъ мой испанскій грандъ, и я опять дома... Что ожидало меня въ будущемъ, я не разсуждалъ. Ыль, пиль, ходилъ гулять и только.

А мнѣ ужъ доходилъ пятнадцатый годъ, слѣдовало бы подумать о своей судьбѣ...

Да, видно, какъ говорится другъ за друга, а Богъ за всѣхъ!

Пошелъ я какъ-то на масляницѣ гулять на Чистые пруды: послушать музыку, поглазѣть на гуляющую публику, на донъ-жуановъ почтоваго вѣдомства, посмотрѣть на катающихся конькобѣжцевъ, на ледяныя горы...

Конечно, встрѣтилъ нѣсколько товарищей. О дѣвницахъ мы еще не думали. Это теперь вѣдь съ третьяго класса начинаютъ себѣ подыскивать предметы (нельзя—образованность!), а въ то время побаивались: какъ бы за вихры какой-нибудь тятенька, дяденька, или братецъ при всѣхъ не оттаскалъ.

За то ни зелени въ лицѣ, ни синеватаго свода небеснаго подъ глазами у насъ не было...

Не то, что теперь: кончаетъ гимназистъ курсъ, а лѣтомъ женится и люльку покупаетъ. Необходимо жениться—надо прикрыть грѣхъ...

Фактъ, а не реклама!

И вотъ съ однимъ изъ товарищей разговорились по душамъ, сидя за чайкомъ въ трактирѣ „Саратовъ“ Дубровина.

Это былъ нѣкто Т., изъ крестьянъ, очень умный, развитой малый, но какъ и подобаетъ русскимъ талантливымъ натурамъ, впоследствии спившійся, и я совершенно потерялъ его изъ виду.

Онъ въ нашемъ уѣздномъ училищѣ былъ сторожемъ и въ то же время учился.

Учителя обратили на него вниманіе, помогали ему, и онъ выдержалъ экзаменъ прямо въ III классъ и отлично окончилъ курсъ.

Вотъ съ нимъ-то и свелъ меня Господь.

Конечно, пошелъ разговоръ: какъ ты? да какъ ты?..

Я рассказалъ ему свое положеніе, а онъ свое. Это уже былъ 1866 годъ. Оказалось, что правительство, озабочиваясь распространеніемъ народнаго образованія, пооткрыло въ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ, преимущественно въ университетскихъ городахъ, педагогическіе курсы для приготовленія начальныхъ учителей. На курсы эти принимались молодые люди изъ окончившихъ курсъ уѣздныхъ училищъ, не моложе 16 лѣтъ отъ роду.

И вотъ Т. по окончаніи уѣзднаго училища поступилъ на эти курсы. Слушателей было очень мало, очевидно, потому, что не было принято надлежащихъ мѣръ къ возможно широкому ознакомленію съ ними публики.

А между тѣмъ условія учебны были довольно заманчивы, особенно для бѣдности: обезпеченное мѣсто по окончаніи курса, а въ настоящемъ полагалась каждому слушателю стипендія, по 10 руб. въ мѣсяцъ. Это былъ не особенно жирный кусокъ, но, принявъ во вниманіе тогдашнюю дешевизну, можно было кое-какъ прожить

на нихъ даже и въ Москвѣ. Да Т. на нихъ и жилъ въ каморкѣ у какого-то сторожа въ этомъ же домѣ.

У меня сильно осложнялось дѣло тѣмъ, что я не кончилъ курса въ уѣздномъ училищѣ; слѣдовательно, предстоялъ пріемный экзаменъ, а выдержишь ли его, или нѣтъ—Богъ вѣсть!..

Все это были вопросы и при томъ для меня большіе...

Однако же надо было что-нибудь дѣлать, и я рѣшилъ попытать счастье.

Т. оказалъ мнѣ нѣкоторую протекцію. Инспекторомъ курсовъ былъ тотъ же штатный смотритель Н., который покровительствовалъ Т., когда тотъ былъ сторожемъ, а теперь Т. взялся покровительствовать мнѣ.

Да безъ покровительства и трудненько мнѣ было попасть: во-первыхъ, я не окончилъ курса; во-вторыхъ, прошло уже болѣе трехъ лѣтъ, а въ третьихъ и ученикъ я былъ изъ средненькихъ...

Но, оказалось, что не такъ страшенъ демонъ, какъ его ма-люють.

Прошла масленица, и въ чистый понедѣльникъ я пошелъ на курсы. Инспекторъ, котораго уже предупредилъ обо мнѣ Т., пріялъ меня хоть и величественно, но какъ стараго знакомаго, и рѣшилъ посѣщать курсы съ тѣмъ, чтобы я сдалъ предварительно пріемный экзаменъ. Я, конечно, съ радостью согласился и былъ принятъ на правахъ вольнослушателя и потому стипендіи не получалъ.

Когда я повѣдалъ обо всемъ этомъ отцу и матери, то они очень обрадовались: во 1-хъ—я удѣла, и во 2-хъ имъ мерещился мой учитель Дмитрій Ивановичъ, который зарабатывалъ по двѣсти руб. въ мѣсяць. Они, наивные мои старики, думали, что и всѣ учителя живутъ такъ-то жирненько. Какъ же!

V.

Курсы эти были основаны при томъ же уѣздномъ училищѣ. Поэтому уроки на курсахъ начинались въ 2 часа дня и оканчивались въ шесть вечера.

При первомъ знакомствѣ моемъ съ товарищами они произвели на меня впечатлѣніе довольно пестренькое.

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ“!

Были двое изъ гимназистовъ, уволенныхъ изъ шестого класса; были два семинариста изъ философскаго отдѣленія Вязанской семинаріи—оба здоровенные ребята; одинъ философъ—сынъ московскаго дьячка, изъ Московской семинаріи; одинъ изъ окончившихъ

курсъ уѣзднаго училища; Т.—бывшій сторожъ; С.—бывшій плотникъ, господинъ лѣтъ 37, давно женатый.

Такое было время: движеніе впередъ и ходъ младшей братіи—лозунгъ шестидесятыхъ годовъ. Остальныхъ не помню. Не помню что-то и особо стремившихся въ народъ. „Твердою рукой повсюду сѣять просвѣщеніе“... Идеалисты геройствовали больше на страницахъ тогдашнихъ романовъ.

Увлеченія, конечно, были, но это уже были люди, „отмѣченные божественнымъ перстомъ“, такъ называемыя исключенія.

Да и всего-то этихъ званыхъ было 10—12 человекъ, а на второмъ курсѣ насъ оказалось всего шестеро. Товарищи изъ семинаровъ были всѣ большіе скандалисты и пьяницы. Развязность ихъ доходила Богъ знаетъ до чего. Очевидно, что ребята попали сюда случайно, на десятирублевую приманку. Но товарищи семинары были превосходные. Во-первыхъ, замѣчательные пѣвцы и съ очень хорошими голосами: оба виѳанцы—басы, а москвичъ—теноръ, и потому хоръ курсистовъ былъ небольшой, но очень хорошій. Приходилось иногда у себя дѣлать вечеринки, на которыя сходилась моя родня, чтобы только послушать пѣніе. Пѣли и пили. Очень много даже пили, но кромѣ меня: отецъ еще тогда былъ живъ и о выпивкѣ мнѣ нельзя было и думать. Самъ-то онъ пилъ, а мнѣ бы была за это трепка здоровая, хоть я и будущій учитель.

Ну, и воздерживался, пока еще.

Учителя у насъ всѣ были съ бору, да съ сосенки: двое изъ гимназій, двое изъ уѣзднаго училища и одинъ—тотъ же Дмитрій Ивановичъ преподавалъ у насъ ариѳметику.

Учителемъ русскаго языка былъ не безъизвѣстный въ то время составитель грамматики И. Е. Сосницкій. Кажется, онъ имѣлъ званіе только уѣзднаго учителя и служилъ младшимъ учителемъ гимназій.

Не произвелъ онъ на меня особенно отраднаго впечатлѣнія. Смотри на его страшно грузную фигуру, грузную до того, что онъ никогда не садился на свое мѣсто, просто изъ опасенія не встать съ него, а стоялъ около первой парты, положивъ на нее свой необычайныхъ размѣровъ животъ,—думалось мнѣ, по юности моей, какъ бы не случилось какого-нибудь несчастья съ его природнымъ чемоданомъ. Слабо отпечатлѣлся онъ въ моей памяти, и я не могу судить ни о его познаніяхъ, ни о методѣ его преподаванія.

Другой гимназическій преподаватель былъ А. Ѳ. Чугаевъ. Вотъ былъ выдающійся педагогъ. Въ его рукахъ была физика и естественная исторія.

Учебникъ физики былъ принятъ Гано; учебникъ очень хорошій,

только не для насъ: въ немъ было слишкомъ много формулъ, которыя были доступны только двумъ товарищамъ гимназистамъ, знакомымъ съ алгеброю. Поэтому Чугаеву предстояла задача насколько возможно упростить изложеніе предмета, взять изъ него суть, потребную для нашей будущей дѣятельности; и онъ отлично достигалъ этой задачи. Готовя урокъ изъ физики, мы свободно могли пропускать алгебраическія вычисленія—какую-то для насъ абракадабру—и пользоваться только сутью предмета, прекрасно освѣщенной разъясненіемъ преподавателя. Для цѣлей народнаго учителя этого было совершенно достаточно. Задача-то вѣдь состояла въ томъ, чтобы умѣть объяснить своимъ будущимъ ученикамъ, что такое магнитъ, электричество, громъ, молнія, насосъ, безвоздушное пространство; очки для дальнорукыхъ и близорукыхъ, и т. п. И это мы отлично знали, благодаря А. Ѳ. Чугаеву.

Миръ праху твоему, симпатичнѣйшій для меня учитель! Хоть онъ меня одинъ разъ и осадилъ въ классѣ.

На первомъ курсѣ онъ читалъ намъ зоологію и ботанику. Говоря о размноженіи растений, о пестикахъ, тычинкахъ и т. п. вещахъ, о которыхъ я давно уже и основательно забылъ, онъ что-то упомянулъ о мужскомъ и женскомъ родахъ цвѣтовъ. Я и фыркнулъ. Вотъ онъ тутъ и началъ меня пробирать... Говорилъ онъ своимъ мягкимъ, серьезнымъ баскомъ, не возвышая голоса; и такъ мнѣ стало совѣстно, что я тутъ же далъ слово никогда ничего подобнаго себѣ не позволять.

Конечно, былъ еще мальчишка, и потому это нѣсколько извиняетъ меня.

Педагогика читалъ намъ инспекторъ курсовъ Н. Я, право, не знаю, какимъ онъ самъ обладалъ образованіемъ, но знакомилъ насъ и съ психологіей и педагогикой весьма основательно. Больше всего онъ упиралъ на знакомство съ методами разныхъ знаменитостей: Песталоцци, Дистервега, Жакото и русскихъ—Золотова, Ушинскаго, только-что тогда выступившаго съ своимъ звуковымъ методомъ, который и былъ нашею исходною точкой. Сравненіе методовъ всѣхъ этихъ педагоговъ сыграло большую роль въ нашихъ познаніяхъ. Благодаря этому, мы сознательно могли обратиться во всякомъ новомъ учебникѣ, азбукѣ или хрестоматіи. Мы знали слабыя стороны каждаго изъ нихъ, и конечно, старались избѣгать ихъ, а пользовались только тѣмъ, что казалось намъ болѣе пригоднымъ.

Учитель исторіи былъ нѣкто О., изъ московскихъ уѣздныхъ учителей: въ золотыхъ очкахъ, всегда въ великолѣпномъ форменномъ фракѣ, въ изящномъ бѣломъ галстухѣ, онъ производилъ пріят-

ное впечатлѣніе... Но, какъ учитель, былъ лѣнивъ, да и едва-ли особенно свѣдущъ.

Я, напримѣръ, на второмъ уже курсѣ, весь годъ ему рассказывалъ одинъ урокъ про Дмитрія Самозванца, а другой — про Іоанна Грознаго; на третій—опять Самозванецъ, на четвертый—опять Грозный. И такъ весь годъ.

— Ну, что вы намъ сегодня расскажете? спрашиваетъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Да что, Сергѣй Петровичъ... про Смутное время...

— Ну... пожалуйста...

А нужно сказать, что на сценѣ Малаго театра тогда чуть ли не черезъ день шли пьесы Островскаго историческаго содержанія: Василиса Мелентьева, Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій, „Тушино“, и трагедія гр. А. К. Толстого „Смерть Іоанна Грознаго“.

Я часто посѣщалъ театръ, много разъ видѣлъ эти пьесы, и вотъ къ остову историческихъ фактовъ по учебнику Иловайскаго много прибавлялъ картинъ изъ этихъ пьесъ, да при томъ и говорилъ довольно складно. Вотъ я этимъ и злоупотреблялъ, да и лѣнтый профессоръ-то нашъ тоже, а остальные слушатели только и знали, что по порядку вскакивали, да бурчали: „позвольте выйти“.

Графъ О. А. Толстой только-что былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія и прибылъ въ Москву. Затащили его, конечно, и къ намъ—показать новое дѣло.

Помню худощаваго брюнета, съ длинными черными, прямыми волосами, гладко причесанными; вся фізіономія бритая; скромный форменный фракъ и никакого ордена. Привели его на грѣхъ и къ намъ на урокъ исторіи:

— Чѣмъ вы занимаетесь? обращается онъ къ Сергѣю Петровичу.

— Русской исторіей.

— А-а! хорошо. Познакомьте меня съ познаніями вашихъ слушателей.

Онъ оперся задомъ на подоконникъ, полуприсѣлъ на него, вытянулъ ноги и приготовился внимательно слушать.

Очки Сергѣя Петровича обращаются ко мнѣ, и я слышу гласъ:

— Ну, расскажите намъ про Смутное время.

И хоть бы глазомъ моргнулъ, каналья!

Ну, конечно, дѣло знакомое... Въ чемъ другомъ, а ужъ въ этомъ мы собачку съѣли.

Вотъ я и пошелъ... и пошелъ... Откуда что бралось! „И съ былью небылицъ безъ счету прилыгалъ“.

Фантазія размоталась, языкъ развязался... Ну, Цицеронъ да и только!

Отъ графа только и слышно было:

— „Прекрасно!... Прекрасно!.. Какое богатство знаній!.. До мелочей!.. Прекрасно!“...

А какое тамъ знаніе? Просто Островскій да А. Толстой виноваты.

Уходя, Сергѣю Петровичу даже руку протянулъ, а всѣмъ остальнымъ только общій поклонъ... Вотъ до чего угодилъ!

Вотъ „какъ у насъ попадаютъ въ президенты“! подумалъ я по Шиллеровски.

Подходило дѣло къ экзаменамъ. Въ общемъ я зарекомендовалъ себя предъ учителями очень недурно. Молодъ, молодъ былъ, а придумалъ штуку: вмѣсто того, чтобы держать на первый курсъ, я рискнулъ прямо на второй. Думаю: выдержу—хорошо, а не выдержу—сочтутъ это за экзамень на первый курсъ, и я изъ вольнослушателей перейду въ разрядъ стипендіатовъ.

Держу и выдерживаю; да еще выдерживаю-то очень порядочно, такъ что съ августа стипендію заработалъ и слава Богу!

(Продолженіе слѣдуетъ).

